

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Н. И. ТОЛСТОЙ

КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 1954

Наличие двух форм прилагательных, краткой и полной, было свойственно в прошлом всем славянским языкам. Однако далеко не все славянские языки сохранили эту характерную для общеславянского языка-основы особенность. Западнославянские языки почти полностью утратили краткие формы, в восточнославянских, в русском, они уцелели в реликтовом виде в предикативной функции и только южнославянские — сербскохорватский и словенский — до сих пор сохраняют в известной мере прежнюю корреляцию кратких и полных форм. В остальных южнославянских языках, болгарском, македонском, эта корреляция утеряна.

Древнейший зафиксированный памятниками письменности славянский язык — старославянский — полнее других отражает исконное соотношение кратких и полных форм прилагательных, дает достаточно ясное представление о их первоначальном значении, что в свою очередь во многом облегчает исследование дальнейших процессов их развития и утраты в отдельных славянских языках.

Вопросу о категории кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, о их взаимообусловленности и значении до сих пор не было посвящено специального исследования. Имеются лишь довольно многочисленные, но часто очень краткие, не снабженные большим фактическим материалом наблюдения и выводы по нашему вопросу, изложенные в различных руководствах и грамматиках старославянского языка. Кроме того, существует ряд статей о прилагательных в древнерусском языке, где затрагивается также вопрос о судьбе кратких и полных форм в старославянском языке.

Относительно значения исследуемых форм прилагательных в этих работах господствуют в основном два мнения. Первое — полные и краткие формы выражают категорию определенности и неопределенности, причем сама определенность и неопределенность некоторыми исследователями толкуется различно, и второе — полные и краткие формы выражают отношения атрибутивности и предикативности, при этом понятие предикативности определяется также неодинаково. Среди последователей первой теории довольно широкое распространение получил

взгляд Ф. Миклошича, согласно которому «сложные формы указывают на обозначенный прилагательным и существительным предмет как на уже упомянутый или ранее известный... именные формы указывают на предмет, обозначенный прилагательным и существительным как на неизвестный заранее» *. Ф. Миклошич, а вслед за ним и ряд других ученых (С. М. Кульбакин, В. Н. Щепкин, Т. Лер-Сплавинский, Я. Лось и др.) приравнивали значение полных и кратких прилагательных к значению артикля в западно-европейских языках (добър чловѣкъ — un bon homme, добри чловѣкъ — la bon homme) А. Лескин, а также А. Мейе, В. Вондрак, Н. Ван-Вейк и др. лишь отмечали, что «прилагательное, являющееся атрибутом существительного, употребляется с членом тогда, когда атрибут относится к определенному известному самому по себе или из контекста предмету» **.

Несколько иное объяснение рассматриваемой категории дал чешский ученый И. Курц. Он конкретизировал понятие определенности, считая, что полную форму (-jъ) «не следует рассматривать исключительно как член», а как средство выражения специального оттенка, «подчеркивающего особое индивидуальное свойство предмета, выделяющего его из предметов с подобным свойством, сосредотачивающего внимание на прилагательном», или, в иных случаях, как средство субстантивации («прилагательное, выступающее в роли существительного, чётко означающего данное лицо как индивидуума с постоянным, определенным качеством *starъjъ moъjъ* подобно *ělověкъ grěšnikъ*»)**.

К этой точке зрения был близок и А. М. Селищев.

Мнение, согласно которому корреляция полных и кратких форм шла по линии наличия или отсутствия в определении предикативности, было впервые выдвинуто Е. С. Истриной применительно к фактам древнерусского языка. С ее точки зрения, «значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное... в случаях, где определение выражено именной формой, обозначаемый предмет имеет существенное значение в общем смысле предложения, с чем связывается и энергичность его проявления, между тем в случаях, где определение выражено местоименной формой, соответствующий признак не играет значительной роли в предло-

* Miklosich F. Vergleichende grammatik der slavischen Sprachen Band IV, Syntax, Wien 1883, s. 132.

** Leskien A. Grammatik der altbulgarischen Sprache, Heidelberg 1909, s. 142.

*** I. Kurz, Složena pridevska forma u praslovenskom jeziku i njeno osnovno značenje. «III Меѓународни конгрес слависта» том I, Београд 1939, стр. 46.

Жении, проявление его не отличается энергичностью»*. Выводы Е. С. Истриной, оспаривающиеся рядом ученых (С. П. Обнорским и др.), могли бы остаться вне нашего рассмотрения как не относящиеся непосредственно к теме, если бы некоторые исследователи (например, В. Л. Георгиева) не считали их правомочными не только для древнерусского, но и для старославянского языка. Это принудило нас провести специальное рассмотрение старославянского материала также и под углом зрения Е. С. Истриной.

Из отдельных работ по нашему вопросу важно отметить еще статью Л. П. Якубинского «Из истории имени прилагательного»**. В ней в принципе принимаются положения Ф. Миклошича, но выдвигается также и ряд новых моментов. Наиболее важным, по нашему мнению, является утверждение, что «ошибкой всех исследователей, занимавшихся нашей категорией, было то, что они понимали ее узко синтаксически, контекстно, смешивая понятия лексико-семантической определенности с понятием «вышеупомянутости» и поэтому, дескать, определенности. Они забывали, что понятие определенности есть лексико-синтаксическое понятие, поскольку определенность может быть дана в самом лексическом значении слова»***.

Таким образом, вопрос о значении кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (так же как и в других славянских языках) до сих пор остается спорным и неразрешенным до конца. Основным недостатком почти всех указанных работ было известное игнорирование фактов других славянских языков, в первую очередь сербскохорватского, а также нередко недостаточный объем привлеченного материала.

* * *

При работе над диссертацией были обследованы древнейшие дошедшие до нас тексты нового завета — Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия и Саввина книга. Эти тексты в силу их каноничности, «святости» полнее других отражают язык первых кирилло-мефодиевских переводов. Была проведена сплошная выборка прилагательных из текстов и проведено сличение славянского материала из четырех разных кодексов между собой и с греческим оригиналом. В диссертации

* Е. С. Истрина, Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи, Известия ОРЯС, т. XXIII, кн. 1, 1918, стр. 52.

** Л. П. Якубинский, Из истории имени прилагательного, Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, т. 1, 1952, стр. 56.

*** Там же, стр. 56.

ции во многих случаях приводятся все зафиксированные примеры сполна (при субстантивации, при дополнительных, определяющих употреблении в атрибуте полных или кратких форм, языковых факторах, напр., с указательным местоимением, числительным **единь** и др., затем темпоральные и локативные прилагательные, прилагательные на **-ьскъ** и др.), при этом всегда наряду со старославянским приводится пример из греческого оригинала. Кроме того, в качестве иллюстрации широко приводится материал современных славянских языков и в первую очередь сербскохорватского, где корреляция полных и кратких форм сохраняется до сих пор. Особое внимание обращается на случаи разночтения в разных кодексах, а иногда и на несоответствия славянских полных и кратких прилагательных греческим прилагательным с членом и без члена.

Число таких несоответствий греческому оригиналу достаточно велико, что позволяет нам отрицать возможность механического употребления славянских полных и кратких форм по образцу греческих конструкций с членом и без члена. Нам представляется в корне неправильным положение Г. Павского и Г. Гуннарсона, согласно которым корреляция полных и кратких форм возникла исключительно под воздействием греческого языка. Этому положению противоречат и морфологическая структура старославянских прилагательных, и факты западнославянских языков, развивавшихся вне сферы греческого влияния.

* * *

Задачей нашего исследования является выяснение значения кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, определение принципа их корреляции. В связи с этим материал распределен по главам в соответствии с различными синтаксическими функциями прилагательных и с наличием или отсутствием корреляции полных и кратких форм в этих функциях. Первая глава: прилагательные в атрибутивной функции — наличие корреляции; вторая глава: прилагательные в предикативной функции — отсутствие корреляции; третья глава: субстантивированные прилагательные — отсутствие четкой корреляции.

Решающее значение для разрешения поставленной задачи имеет материал, вошедший в первую главу. В основу его классификации положен принцип, согласно которому в первую очередь рассматриваются случаи, когда употребление полных или кратких форм обусловлено каким-либо дополнительным языковым средством, фиксирующим характер той или иной формы, а затем уже рассматриваются случаи, в которых подобная фик-

сация отсутствует. Так, полная форма прилагательного последовательно без различий употребляется с указательным местоимением (ѣко вдовица **си оубогаа** мъножьѣ вьсѣхъ вѣврѣже. Мр. XIII—43), краткая форма с числительным **единь** в функции неопределенного местоимения (или **естерь**) (видѣ же **единх** вдовицх **оубогх**. Л. XXI—2). Краткая форма употребляется также **совместно** с местоимением **вьсѣкъ** (ирекхтъ вамъ **всѣкъ зълъ глѣ**. Мф. VI1), с вопросительной частицей **ли** при наличии двух определений (ѣко не можеши власа единого **бѣла ли чрѣна** сѣтворити. Мф. V—36), в составе конструкции родительного части (родительного неопределенного объекта) (напонтъ единого малыхъ сихъ чашх **стоудены** воды. Мф.

X—42), с качественным наречием (паки поАтъ *i* дияволь на горх **высокх зѣло**. Мф. IV—8) и др. В этих случаях наличие краткой resp. полной формы обязательно. Есть случаи, когда другие дополнительные языковые средства имеют большое, но не всегда определяющее значение для наличия той или иной формы. Так, с глаголами **имати** и **подобати** (оуподобити), как правило, употребляется краткая форма (отъ кхдх оубо имаши водх **живх** И IV—11; подобень естъ члкоу **домовитоу** Мф. XIV—52; уподоблю его мхжеви **мхдроу** Мф VII—24), но в тех случаях, когда прилагательное входит в состав фразеологического единства (се члвкъ единъ имы **водьныи** трхдѣ бѣ прѣдѣ нимъ. Л XIV—2) или относится к определенной лексической группе, достаточно конкретной по своей семантике (абѣ прозАбе зане не имѣаше глхбины **земьны**'А М IV—5), фиксируется полная форма. В последних примерах более важными, определяющими оказываются другие факторы, среди которых и фактор лексического значения прилагательного.

В связи с этим в диссертации подробно рассматриваются отдельные лексические группы прилагательных. Среди них особенно выделяются прилагательные темпорального и локативного значения, почти всегда выступающие в полной форме. Прилагательные, образованные от наречий места и времени, никогда не употребляются в краткой форме (последньии, ближньии, прѣдньии). Ближе к ним примыкают прилагательные, образованные от существительных темпорального и локативного значения (оутрѣни, дьневно, земьны, небесьны); в этой группе полная форма абсолютно преобладает — примеры с употреблением краткой формы единичны и относятся только к прилагательным локативным. В современном сербскохорватском языке все прилагательные темпорального и локативного значения без исключения употребляются только в полной форме (последньи, ближньи, дьневи, небесни).

Далее рассматриваются прочие группы относительных прилагательных: прилагательные, означающие отношение детали или части предмета к его целому (опона црквѣная), прилагательные, характеризующие предмет по его предназначению (камень жръньовны), где в общем преобладает полная форма, и прилагательные, означающие отношение к предмету или его содержание (пещь огньна), а также прилагательные, означающие материал (водонось камѣнь), где преобладает краткая форма.

Преобладание полной формы в первых двух группах, помимо прочего, можно объяснить также некоторой близостью встречающихся в них конструкций (прилагательное + существительное) к фразеологическим единствам, в которых последовательно фиксируется полная форма. В качестве фразеологических единств в исследуемых кодексах отмечены термины рода (дѣщи іночАдая), термины, означающие род занятий (стратигъ црквны), имена, прозвища (иѣковъ малыи), названия болезней (водьны трхдъ) и др. В них прилагательное указывает на то, что определяемое существительное — предмет существенно отличается от прочих предметов своего рода. В составе фразеологического единства прилагательное придает ему часто значение предмета совершенно иного рода (ср. сербск: ветар — ветер; црвени ветар — краснуха).

В звательном «падеже», т. е. при обращении говорящего к определенному лицу, лицу, к которому направлена речь, как правило, употребляется полная форма прилагательного (рабе лжкавы Мф. XV—32). Значительно реже, хотя и вполне равноправно с полной формой употребляется форма звательного падежа (добры рабе благы вѣрьне Мф. XXV—21). Краткая форма отмечена лишь в двух случаях (ω роде невѣрьнь и развращень. Л. IX—41 тоже М. IX—19), однако в Саввиной книге всегда лишь полная форма (невѣрьны и развращены).

Качественные прилагательные не подразделяются в диссертации на отдельные группы; они выступают в краткой форме чаще относительных, притом употребление полной гесп. краткой формы, так же как и для относительных прилагательных, зависит от того, выделяется ли существительное — предмет, определяемый прилагательным, из ряда ему подобных как единственный, определенный или нет. Иллюстрируя это положение, приведем все отмеченные нами случаи с прилагательным зълъ. Краткая форма: въ гъ часъ исцѣли многы отъ недхгъ ранъ и дхъ зълъ Л. VII—21 (аналогичн. Л. VIII—2); иѣсть бо дрѣво добро творА плода зъла ни дрѣво зъло творА плода добра Л. VI—43; ли сътворите дрѣво зъло и плодъ его золь Мф.

XII—33; Полная форма: зълы члкъ отъ зълааго съкровища срдца своего износить зълое. Л. VI—45 — генерализующая функция — объединение всего класса при противопоставлении другим классам предметов, т. е. тоже индивидуализация. Разночтения: родъ золь и прѣлюбодѣи знамениѣ ищетъ Мар. к., Мф. XVI—4, зълы — Зогр. к.; отъ срдца бо исходАтъ помышлениѣ зъла Мар. к. Мф. XV—19, зълаѣ — Зогр. к. С указательным местоимением: аще ли речеть зълы тѣ рабѣ въ срдци своемъ Сав. к., Зогр. к. Ассем. к. Мф. XXIV—48 зълы рабѣ — Мар. к. Звательный «падеж»: гла емоу отъ оустъ твоихъ схждх ти зълы рабе Л. XIX—22; гѣ его рече емоу зълы рабе и лѣнивы Мф. XXV—26. С местоимением всѣкъ: тако всѣко дрѣво добро плоды добры творить а зѣло дрѣво плоды зълы творить Мф. VII—17; и рекхтъ вам всакъ зълъ глѣ на вы лѣжхще мене ради Мф. V—11; С глаголом имати: и приведошА емоу всА болАщАА... и мѣсАчныА злы недхгы имхщА Мф. IV—24.

Отдельно рассматриваются случаи, в которых прилагательное может быть воспринято как постоянный эпитет. Отмечается, что к исследуемым старославянским евангельским текстам, всего на столетие отстоящим от первых кирилло-мефодиевских оригинальных переводов, близким к ним по языку в силу своей каноничности, трудно применимо понятие постоянного эпитета; тем не менее в работе выделяются отдельные, наиболее подходящие под данную категорию примеры (напр., дхъ истиньнъ, дхъ нечистъ, кръвь праведъна). Анализ показывает, что в этих примерах обе формы употребляются в соответствии с теми же закономерностями и условиями, что и в остальных случаях, т. е. когда прилагательное не имеет характера постоянного эпитета. Поэтому для старославянского языка не правомерно выделение особого стилистического фактора — эпитета, определяющего употребление полных и кратких форм, как это делают некоторые исследователи применительно к материалу древнерусского языка

Наконец, специально выделены все случаи вышеупомянутости, т. е. вторичного употребления одного и того же сочетания (прилагательное + существительное) в контексте (в акте речи). При этом в диссертации различается вышеупомянутость лица (живого существа) и предмета. Если для первой группы сочетаний употребление полной формы при вторичном употреблении более или менее закономерно, то для второй группы (вышеупомянутость предмета) такую закономерность установить трудно.

В особом разделе первой главы рассматриваются при-

лагательные с суффиксом -ъск и притяжательные прилагательные на -жь (и), -овъ, -инь. Отмечается, что в старославянском языке прилагательные на -ъскъ имеют, в основном, значение или локативное, или близкое к значению притяжательных прилагательных (родовая принадлежность). Характерной особенностью этой группы является отсутствие четкой корреляции кратких и полных форм, вызванное, видимо, семантикой прилагательных на -ъскъ. Наиболее определенные по своему лексическому значению прилагательные, образованные от имен собственных (типа **сидоньскъ**), выступают чаще в краткой форме (укажем также, что именно на них падает наибольшее число несоответствий с греческим оригиналом), остальные преимущественно в полной форме. С этими прилагательными (типа **сидоньскъ**) употребление полной формы в старославянском языке было необязательно, а с притяжательными на -овъ, -инь и вовсе невозможно: их лексическая определенность была столь четкой, что не возникло необходимости в ее грамматическом оформлении. Притяжательные прилагательные, по определению В. В. Виноградова, «не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца»*.

Таким образом, краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражают отношения определенности существительного — предмета, к которому относится прилагательное. Корреляция полных и кратких форм в старославянском языке не шла по линии атрибутивности и предикативности или «энергичности» и «неэнергичности» признака предмета. Активным членом корреляции была полная, определенная форма прилагательного, указывающая на то, что предмет, к которому относится прилагательное, **выделен** из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, **индивидуализирован** и воспринимается как единственный в своем роде, отличный от множества равных ему по роду, или как представитель своего рода при противопоставлении его другому роду. Поэтому полная форма употребляется и в тех случаях, когда другими языковыми средствами подчеркивается это неравенство (с указательным местоимением, звательный «падеж»), когда нужно подчеркнуть, что предмет единичен и не имеет себе подобных (с числительным **единь** — «единственный»), и в тех случаях, когда это неравенство вытекает из того, что конструкция прилагательное + существительное означает фактически иной предмет или понятие (в фразеологических единствах — термины родства, названия болезней и т. п.), наконец, и в тех случаях, когда просто выделяется предмет по указанному прин-

* В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 191.

ципу. Зафиксированы также отдельные примеры употребления полных форм и в так называемой нейтральной позиции; в ряде положений не всегда можно провести четкое разграничение полных и кратких форм (укажем, что наибольшее число различий по кодексам относится именно к этим случаям). Краткая форма, в отличие от полной, указывает на то, что существительное — предмет, определяемое прилагательным, ничем не отличается от множества равных ему по роду. Она выступает и в тех случаях, когда нужно подчеркнуть это равенство (с числительным **единь** — «один из многих», с местоимением **вьсѣкъ**), и в тех случаях, когда это равенство не подчеркивается, но вытекает из того, что предмет не выделяется из ряда ему подобных (с глаголом **подобати**, в составе родительного части и др.), наконец, она преобладает в нейтральных позициях. Краткая форма прилагательного чаще всего просто указывает на то или иное свойство (качество) предмета, не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики.

В связи с этим основным значением кратких и полных форм момент вышеупомянутости выступает как второстепенный, подчиненный, как частный случай более универсальной категории определенности прилагательных. При вторичном упоминании предмета часто возникает необходимость в его унификации (в указании, что он «тот же самый»), но в иных случаях такое выделение не обязательно. Отсюда — случаи употребления краткой формы при вышеупомянутости.

Одной из характерных особенностей старославянского языка, сохранившейся в полной мере в современном сербскохорватском языке, является тесная связь полной формы с прилагательными определенных лексических групп. Семантика прилагательного в иных случаях играла огромную, подчас решающую роль при употреблении исключительно полной формы. К таким прилагательным относились темпоральные, локативные и некоторые другие группы прилагательных.

В дальнейшем в отдельных славянских языках (в том числе и сербскохорватском) сфера прилагательных, имеющих только полную форму, расширялась. Без учета семантического момента нельзя объяснить наличие одной полной формы, а тем самым и отсутствие корреляции в целом ряде случаев так же, как и ее отсутствие в группе притяжательных прилагательных.

* *
*

Во второй главе рассматриваются основные типы синтаксических конструкций с прилагательным в предикативной функции. Выделяются различные конструкции с глаголом-связкой (быти, есмь), с глаголами движения или пребывания в состоя-

нии, конструкции с причастием настоящего времени **сы, схшти** (или прошедшего **бывь**), образующие обособленный оборот, а также оборот, именуемый дательным самостоятельным.

Во всех случаях в предикативной функции достаточно последовательно выступает краткая форма. Этот факт получил различное толкование среди ученых-славистов. Употребление исключительно краткой формы в указанной функции А. Белич объяснял тем, что «краткая форма, употребляющаяся в сказуемом, означает нечто проходящее, случайное», по отношению к которой полная форма «должна обозначать свойство **постоянное**»*. Однако исследуемый материал показывает, что в сказуемом может быть выражен не только временный, но и постоянный признак предмета (гла же имь ис врѣма мое не оу приде а врѣма ваше **всегда** есть **готово** И. VII—6; бѣ же нѣсть мрътвыхъ нѣ живыхъ вси бо томоу живи схть Л. XX—38), — постоянство и временность признака не определяли в старославянском языке наличие полной или краткой формы. В противоположность А. Беличу Л. П. Якубинский считал, что наличие только краткой формы в предикативной функции «объясняется тем, что предикат в именованном сказуемом выступает сам по себе, как признак, приписываемый или открываемый в уже известном, определенном предмете; в этом случае... подлежащее оказывается всегда определенным для высказывающегося. Член здесь решительно излишен»**. С этим положением также нельзя согласиться применительно к исследуемой нами категории подлежащее может быть как определенным, так и неопределенным. Причину наличия исключительно краткой формы в предикативной функции следует искать в самом характере предикативной связи. Последняя, в отличие от атрибутивной, «выражающей отношения между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления»***, ведет к расчленению сложного представления, к выделению субъекта и предиката. При таком расчленении в предикате нельзя выразить определенность предмета, нельзя употребить полной формы, точно так же, как в современном русском языке указательное местоимение не может выступать в предикативной функции.

В современном сербскохорватском языке, так же как и в старославянском, прилагательные, имеющие в атрибутивной

* См. рецензию А. Белича на работу Г. Гунарсона «Recherches syntaxique sur la décadence de l'adjectif nominal dans les langues slave...», Paris 1931, «Южнославянски филолог», кн. XIII, Београд 1933—34, стр. 215.

** См. цитир. работу, стр. 57.

*** Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, Ленинград, 1941, стр. 29.

функции две формы, полную и краткую, в предикативной имеют только краткую. Только прилагательные, полностью утратившие краткую форму (темпоральные, локативные, прилагательные, означающие отношение к частям тела, прилагательные на -ски и др.), выступают в современном сербскохорватском языке в предикате в полной форме. Утрата корреляции в атрибутивной функции влекла за собой одновременно потерю краткой формы в предикативной функции. На начало этого процесса указывают отдельные факты старославянского языка. Нами отмечен всего один пример: тако бхдхтъ послѣднии прѣвии : прѣвии **послѣднии** ѿѡѡ ѣсѡѡѡ ѡ ѣсѡѡѡ ꙗꙗѡ ꙗꙗѡ ꙗꙗѡ ꙗꙗѡ ꙗꙗѡ Мф. XX—16. Прилагательное **послѣднии** относится к группе темпоральных и локативных прилагательных, образованных от наречий, выступающих в атрибутивной функции только в полной форме. Случаи употребления прочих прилагательных этой группы в предикативной функции не зафиксированы.

* * *

В третьей главе рассматриваются случаи употребления кратких и полных форм субстантивированных прилагательных. Материал классифицируется сначала путем распределения субстантивированных прилагательных по лексическим рядам (ряды лица, ряды предметов и т. п.), затем уже внутри каждого ряда разграничиваются случаи, где субстантивированные прилагательные выступают с единичным (определенным) и неединичным значением; при этом так же, как и в первой главе, учитываются дополнительные языковые средства (указательное местоимение, местоимение *всѣкъ* и т. п.), фиксирующие характер той или иной формы. Сплошное обследование всех примеров с субстантивированными прилагательными показало, что в тех примерах, где предмет выступает как единичный (определенный), независимо от лексического ряда последовательно употребляется полная форма, в тех же примерах, где предмет не выделяется как единичный, в случаях нейтральности и неопределенности, употребляются обе формы. Краткая форма последовательно выступает лишь тогда, когда неопределенность предмета (лица) подчеркнута другим словом (*единъ нищъ*), в остальных случаях, в общем, преобладает полная форма. Однако удельный вес полных форм по отношению к кратким неодинаков в различных лексических рядах. Наибольший процент кратких форм зафиксирован в лексическом ряде, характеризующем лицо по его физическим качествам (*слѣтъ*, *хромъ*), меньший процент — при характеристике по индивидуальному (*прѣмхдръ*) или социальному (*богатъ*) признакам. В лексических рядах, характеризующих лицо в отношении его родства

(иночАды), его близости или отдаленности от другого лица (ближньии), в рядах, характеризующих лицо по локативному (вышьнии, послѣдньии) и темпоральному (древьнии) признаку, зафиксирована только полная форма.

Употребление кратких и полным форм субстантивированных прилагательных обуславливается, в основном, теми же факторами, что и в атрибутивной функции, с той лишь довольно существенной разницей, что в нейтральной позиции (случаи неединичности) субстантивированные прилагательные употребляются в полной форме чаще, чем в краткой.

В дальнейшем в отдельных славянских языках, в том числе и в сербскохорватском, за субстантивированными прилагательными закрепились исключительно полная форма. Факты старославянского языка свидетельствуют лишь о начале этого процесса.

